

Ответственность, основанная на нарушении доверия

Научный руководитель – Усачёва Ксения Александровна

Керселян Айк Сергеевич

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический
факультет, Кафедра гражданского права, Москва, Россия

E-mail: ayk.kers@gmail.com

В процессе разработки абстрактных понятий деликта, договора и неосновательного обогащения становилось понятно, что существует немало пограничных ситуаций, когда бывает нелегко дать точную правовую квалификацию жизненного обстоятельства. Особо остро стал вопрос разграничения договорной и деликтной ответственности. Можно привести немало примеров, в которых становится сложно однозначно определить правовую природу некоего явления (*culpa in contrahendo*, фидуциарная ответственность, ответственность арбитражного управляющего и т.д.).

При этом как в нашей стране, так и за её пределами практически весь дискурс можно описать как бинарный – или договор, или деликт. Система обязательственного права и здравый смысл подсказывают, что ответ стоит искать в одной из этих двух категорий. Однако, иностранный опыт подсказывает возможность существования иного построения системы обязательственного права. В споре между деликтом и договором возможен третий ответ: определение спорных ситуаций как основание для привлечения к особой разновидности ответственности – ответственности за нарушение доверия (*Vertrauenshaftung*).

Данная концепция появилась в немецкой доктрине как попытка дать правовую квалификацию обязанностям лояльности и заботы о другом лице, возникающих вне явного соглашения об этом. Обоснование, которое использовалось в схожем случае, – дополнительные обязанности в рамках договорных отношений – применяться не могло, ведь воли на подобное самообязывание на этом этапе развития отношений сторон чаще всего просто нет. Нарушение данных обязанностей также нельзя было обосновать в качестве деликта в связи с особенностями немецкого деликтного права (намеренное сужение сферы его действия и ограничение сферы ответственности за третье лицо). Одной из попыток разрешить данное противоречие стала концепция ответственности, основанной на нарушении доверия (*Vertrauenshaftung*).

Одним из основателем этой доктрины следует признать Курта Баллерштедта (Kurt Ballerstedt) [1, S. 501-531]. В дополнение к типичным обязательствам, возникающих на основании сделки, он выделял обязательства в силу выражения доверия. Согласно его точке зрения ответственность, возникающая из нарушения подобных обязательств, основана исключительно на фактически оказанном и заявленном доверии. Он видел обоснование возникновения обязательства в использовании доверия другой стороны.

Однако, концепция доверительной ответственности теснейшим образом связано с трудами Клауса-Вильгельма Канариса (Claus-Wilhelm Canaris) [2, 795-865]. Отправной точкой его доктрины стал вопрос о возможном основании для применения норм о договорной ответственности в случае недействительных договоров. Он смог прийти к выводу, что в силу своей автономной природы обязанности по защите могут возникать и независимо от существования обязанности по исполнению, поскольку их основа заложена в доверительных отношениях. Если особые отношения, основанные на доверии, предполагались ещё до заключения договора, то это должно быть еще более актуально после заключения договора, когда возможности влияния и, следовательно, доверительные отношения стали

еще сильнее. Из этого он мог заключить, что любая форма ретроактивного аннулирования договора - даже ничтожность - не может повлиять на эти доверительные отношения. В таких ситуациях все обязанности по исполнению прекращают свое существование, а обязанности по защите, вытекающие из доверительных отношений, напротив, продолжают существовать, и их нарушение должно оцениваться в соответствии с правилами договорной ответственности.

Эти объяснения послужили предпосылкой для более широких рассуждений о структуре отношений обязательства. Если обязанности по защите могут существовать и по отношению к третьим лицам, а также во время заключения договора и могут быть прослежены до «основы доверия» (*Vertrauensgrundlage*), и если на основу доверия не влияет недействительность последующего договора, то очевидно сделать еще один шаг вперед и прийти к выводу, что все обязанности по защите должны быть связаны с единым отношением, которое находит свое обоснование в идее доверия и его позитивной правовом воплощении в § 242 BGB.

Это формирует «третий путь» наряду с договорной и деликтной ответственностью, который заменяет жесткую дихотомию концепцией. Конструкция ответственности, основанной на нарушении доверия, является одной из теоретических попыток объяснить феномен *culpa in contrahendo* и похожих случаев в условиях немецкого правопорядка. Значение воли для возникновения прав и обязанностей как на основании сделки, а также особая система немецкого деликтного права делало невозможным потенциально простые решения. В таких условиях объяснить наличие обязанностей по сохранению конфиденциальности и лояльностей сторон по отношению друг другу стало возможно через конструкцию нарушения доверия.

Эта догматическая конструкция получала закрепление в другой немецкоговорящей стране - Швейцарии. С 90-х годов прошлого года Федеральный верховный суд проводит курс на закрепление в правопорядке особой доверительной ответственности. Так, в 1995 году было вынесено решение по так называемому делу борца (*Ringer Fall*) [3]. Борец вольного стиля соответствовал требованиям, которые были сформулированы национальной спортивной федерацией для отправки в качестве представителя Швейцарии на международные соревнования. Помимо этого, он даже был указан в качестве такового в публикациях федерации. Основываясь на этих фактах, спортсмен взял отпуск за свой счёт по основному месту работы и начал усиленную подготовку. Затем оказалось, что национальная ассоциация не делегировала его на соревнования, так как незадолго до начала соревнований она поменяла требования к борцам, которые имеют право представлять федерацию на данных соревнованиях. Между борцом и спортивной организацией не было никаких прямых отношений, так как он лично был членом ассоциации своего кантона, которая свою очередь была членом национальной ассоциации. Борец подал в суд на возмещение своих убытков в размере бесполезных расходов, которые он понёс из-за ложной информации от национальной федерации.

Федеральный Верховный суд Швейцарии удовлетворил требование истца, указав, что ответственность, основанная на доверии, должна применяться всегда, если существует особая связь между правонарушителем и потерпевшей стороной. Особая связь подтверждается, если между сторонами существуют отношения доверия или лояльности. В данном случае обещание спортивной ассоциации, которая занимала монопольное положение, установило особую связь. Доверие спортсмена было разочаровано в отношении конкретного обещания спортивной федерации спортсмену об отборе на чемпионат мира. Обманутое доверие привело к возникновению ответственности спортивной федерации перед спортсменом. Это и ряд других дел положило начало новому институту обязательственного права - ответственности за нарушение доверия.

В целом можно сделать вывод, что общественная жизнь устроена так, что довольно часто между лицами возникает довольно высокий уровень взаимного доверия. В такой ситуации появление конструкций похожих на квазидоговор и доверительная ответственность нельзя избежать. Поэтому их закрепление и применение не является разрушением системы обязательственного права, а движением в рамках общей традиции права.

Источники и литература

- 1) 1) Ballerstedt K. Zur Haftung für culpa in contrahendo bei Geschäftsabschluss durch Stellvertreter, AcP 150 (1950/1951).
- 2) 2) Canaris C-W. Die Vertrauenshaftung im Lichte der Rechtsprechung des Bundesgerichtshofs // Claus-Wilhelm Canaris Gesammelte Schriften in 3 Bände. B. 2. Berlin/Boston. Walter de Gruyter GmbH & Co. KG. 2012/
- 3) 3) BGE 121 III 350